

ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ

Кирилл Корзун

СЛОМАННЫЙ КЛИНОК

Фэнтези-магия

Кирилл Корзун
Сломанный клинок

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Корзун К.

Сломанный клинок / К. Корзун — «Издательство АСТ»,
2020 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-17-118807-8

Его жизнь определял Кодекс Самурая. Требования долга и чести безжалостны – утративший господина покрывает себя позором, смыть который можно лишь кровью, неважно – своей или врага. Последний из рода Хаттори делает свой выбор – путь воина продолжается. Путь познания и самосовершенствования, обретения себя и своего места в мире. Проклятье, довлеющее над его семьёй на протяжении почти пяти веков, вновь набирает силу. Древний враг возвращается из тьмы веков, дабы раз и навсегда поставить точку в распри двух кланов «ночных теней». Но только последние слуги Атлантов обладают истинным знанием о происходящем и, подобно опытному кукловоду, незримо влияют на события, преследуя одним только им известную цель...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118807-8

© Корзун К., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кирилл Корзун
Сломанный клинок
Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Кирилл Корзун, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Верховный шаман почувствовал изменения, даже находясь снаружи пещеры, – ритуал, к которому готовились долгие годы, вот-вот мог прерваться, и тогда прахом пойдут усилия множества поколений. Допустить подобного он не мог. Быстрым шагом, отбросив в сторону бубен и било, старик в одеянии из медвежьей шкуры ворвался в пещеру и застыл неподвижным изваянием, прикрыв глаза и сосредоточившись на удержании разбушевавшихся сил.

– Она не справляется. Всех шаманов сюда, живо!!!

Ученик не стал испытывать терпение своего наставника и сорвался с места, исполняя приказ верховного шамана народа Э'Вьен. А тот тихо запел, хотя звуки, рвущиеся из его горла, трудно было назвать пением, скорее они походили на утробное урчание грозного хищного зверя. Его песнь многожды отражалась от каменных стен и сводов пещеры; воздух в ней начал дрожать и расплываться туманными кляксами; очаг в центре немилосердно зачал – угасшие были угли вновь налились злобной краснотой, и с новой силой затлели пучки дурманящих трав поверх них.

Шесть старших шаманов один за другим вбегали в пещеру и включались в священнодействие – Видящая была слишком молодой и неопытной, но удачный ритуал был жизненно необходим. И они не боялись отголосков бури, рвущейся в этот мир из измерения духов. Их голоса вплетались в набирающий мощь речитатив древнего заклинания, один за другим, волна за волной захлестывая пещеру своей жизненной силой.

Они жертвовали своей жизнью, чтобы помочь встретившей свою семнадцатую весну девушке. Великий дар Атлантов пробудился сквозь века и череду поколений народа, верно служившего сгинувшим господам. Дар пробудился, и с его помощью стало возможным отыскать способ вернуть Владык в этот мир.

Девушка спала. Но это был беспокойный и необычный сон.

Её обнаженное, стройное и смуглое тело, распростертое на огромной медвежьей шкуре, причудливо изгибалось, так, словно девушка пыталась сбежать из собственной постели. На самом деле движения были всего лишь отголосками того, что происходило с Иланой во сне. Раз за разом она порывисто, но плавно перетекала из положения в положение, будто пытаясь устроиться поудобнее, – так морская волна прибоем накатывает на песчаный берег, накатывает и отступает обратно, завлекая за собой неосторожного пловца.

Шаманы успели вовремя. Видящая смогла перехватить упущенный было контроль над видением. Её лицо разгладилось, губы дрогнули, но в уголках глаз продолжали мерцать жемчужины так и не пролитых слёз.

Видения никогда не обманывали. Сны были для Иланы лишь тропой, следуя по которой девушка отыскивала знания и намёки от духов рода. И впервые этот путь оказался для неё таким сложным...

...Замок внушал трепет. Каменные стены из огромных блоков, отшлифованные до блеска сотнями рук и лет, по хитрому замыслу древнего архитектора складывались в многоуровневую цитадель с изогнутыми скатами крыш. Илана невольно затаила дыхание, ощутив воплощение власти человека, сотни лет назад повелевшего возвести свой оплот в уютной горной долине. Ей померещились цепочки вьючных животных и караваны рабов, заполонившие долину при стройке, послышалась какофония криков, воплей, приказов и команд.

Девушка вздрогнула. Не всё надо видеть, не всего надо касаться.

Оглянувшись по сторонам, шаманка обнаружила, что оказалась внутри кольца из крепостных стен. Под его защитой было несколько десятков изящных деревянных строений – низкорослых, утопающих в шелестящем море древесных крон и невероятно очаровательных.

Четкие линии, контраст цветов и угловатая лёгкость зданий превращали их в сказочные декорации, а сумерки и разгорающиеся фонари нагнетали неизбежного романтизма.

Грозный и утонченно красивый, замок казался похожим на храм. От него веяло спокойствием и мистической силой. Зов размеренно и ритмично пульсировал в её сознании, тонкой алой нитью протянувшись глубоко в каменного исполина.

Отыскать путь к нему в сгущающихся сумерках оказалось несложно – стоило ей приблизиться к охватывающему всю цитадель парку, как его, на первый взгляд, сплошной массив разрезали цепочки ярких фонарей, протянутые вдоль засыпанных золотой и алой листвой дорожек. Илана с удовольствием прошла путь под сенью шелестящих и шепчущих крон, окончившийся на просторной площади перед распахнутыми настезь воротами. Застывшие возле них грозные стражи в громоздких парадных доспехах не могли заметить девушку, прошедшую мимо них незримым и бесплотным духом.

Десятки людей в ярких, явно праздничных одеждах, расшитых золотыми и серебряными узорами, расположились во внутреннем дворе перед главной башней. Все они неспешно прогуливались по дорожкам среди миниатюрных пагод, либо столь же неспешно и чинно беседовали между собой, соблюдая определенный церемониал и традиции. Об этом Илана подумала почти сразу же, уловив определенную систему в их расположении и передвижении. А рукоятки знаменитых на весь мир мечей лишь окончательно подтвердили догадки девушки по поводу места её нахождения.

Островная империя. Илана покачала головой, гадая, почему её занесло так далеко от дома. Что же могло заинтересовать духов в этом месте, чужом и негостеприимном для той, чьи предки тысячелетиями служили Атлантам?

Довольно часто ей на глаза попадались шелковые знамёна с гербом, напоминающим цветок, лишь изредка герб менялся на другие, но такие знамёна всегда располагались ниже, словно намекая на подчинение. Все эти аристократические тонкости мало интересовали девушку из таёжного племени, однако она всё же задержала на них взгляд, старательно запоминая и откладывая в памяти их образы. Потом она тщательно перерисует всё, что видела, и сможет узнать гораздо больше.

Следуя наитию, Илана не стала бродить среди этих людей, а устремилась в башню, легко проскочила парадную лестницу и вдруг замерла на месте. Жёсткий, цепкий и изучающий взгляд упёрся ей между лопаток, навалился на плечи таким грузом, что девушка невольно покачнулась и испуганным оленёнком скакнула дальше, в полумрак комнат и коридоров башни.

– Невозможно. Невозможно. Только не здесь.

Растерянный шепот слетал с её губ – выдержка изменила девушке. Илана мчалась куда-то вперёд, без оглядки и лишних рефлексий. А мысли предательски путались, всполошившись от острого чувства опасности. Нужно было торопиться и отыскать то, зачем её сюда провели.

Пойти туда, не знаю куда. Найти то, не знаю что. Шаманка в полной мере оценила юмор сказок, услышанных в детстве, лишь когда сама впервые прошла тропой снов. С тех пор только чутьё могло подсказать ей правильный путь. Не обмануло оно и на этот раз. Благо что в снах она с лёгкостью понимала любые чужеземные языки.

– Иногда мне кажется, что мои предки построили эту башню исключительно как обсерваторию. Враги во все времена атаковали только замок Канадзава, а здесь всегда было тихо, – негромко говорил статный и рослый мужчина в белоснежном кимоно с цветком герба, вышитым золотом, прогуливаясь по верхнему этажу своего оплота и изредка замирая перед широкими окнами. – Поэтому я никогда не понимал твоего стремления превратить это место в укрепленный. Медитировать среди пушек и колючей проволоки? Да я ходить по этажам спокойно не мог, гадая, откуда именно вдруг могут свалиться турели!

Тот, к кому он обращался, нервно дёрнул плечом и отчётливо хмыкнул, продолжая молчать. Они были очень похожи внешне и внутренне – шаманка ощущала их духовную мощь, ощущала то, что когда-то возвеличило их предков и чем они владели по праву крови.

– Они свалились бы только в самом крайнем случае. Поверь, в тот момент тебя заботили бы более актуальные темы. Например, ты вспоминал бы комбинацию от убежища на минус третьем этаже. А вот если бы мой господин не стал отстранять своего верного слугу от служения...

– Не веди себя как воплощение укора. И да, мне до сих пор непонятно твоё недовольство, Хикару. Ты нужен мне в ином качестве, а не начальником моей гвардии и охраны.

– Мы – самураи, а не... – не выдержал его оппонент и развернулся, тем самым невольно давая девушке хорошо себя рассмотреть. И прежде всего в глаза ей бросился его герб. Схематичное оперение стрелы она распознала уверенно и не сомневалась в этой догадке.

– Можешь не продолжать. Избавь меня от лекции и нравоучительного тона, – прервал его собеседник, подкрепляя слова коротким жестом ладони. – Сядь и выслушай меня.

– Как пожелает мой господин, – ехидно ответил самурай, глубоко кланяясь.

– Боги испытывают меня, вассалы дерзят, а дети не слушаются, – делано грустно усмехнулся владелец замка и продолжил: – Род Маэда признателен роду Хаттори за верное служение. Наша благодарность будет выражена в том, что сегодня, в День почитания старших, я, Маэда Ючи, официально объявлю тебя, Хаттори Хикару, свободным от присяги, как и весь твой род. И надеюсь, что свободный род Хаттори не откажется заключить союз. Слово сказано! А все документы уже неделю в канцелярии императора, и остались сущие формальности. Так что, мой друг, сегодня начинается всё самое интересное.

Илана заинтересованно встрепенулась, сделала шаг и...

...и мир вокруг неё дрогнул, картина реальности искривилась, смешивая цвета и очертания предметов и людей. Черета сполохов и образов подменяла друг друга, торопила события, подхлестывала реку времён, спеша показать Илане ещё кое-что, не менее важное.

...Замок пылал. Воздух дрожал от жара и грохота взрывов, сотрясавших цитадель до самого основания. Дым поднимался в небо густым черным столбом, застилая его до горизонта непроницаемым покрывалом тьмы, в глубине которого изредка вспыхивали на яркие, но короткие мгновения мириады искр. Зарево пожара окрасило всё вокруг в багровые оттенки, пуская тени кружиться в безумной ломаной карусели. Так мог бы выглядеть ад.

Смерть и огонь. Они пришли в разгар праздника, застали людей врасплох и собрали обильную жатву. Но твердыня рода Маэда с достоинством перенесла первый, самый мощный удар и устояла. Нападавшие прорвались сквозь сделанные в стенах бреши и умылись собственной кровью, встретившись с яростью противников.

Ей никогда не было так страшно. Жесткость войны предстала перед ней во всей своей бесстыдной и обнаженной «красоте». Стоны и крики раненых и умирающих, кровь, грязь, пепел... и запах. Для неё всё происходящее было лишь сном. Кошмарным, реалистичным и всё же безвредным и неопасным.

На её глазах десяток солдат в парадных доспехах самураев успешно теснил прорвавшихся в замок бойцов. Старомодный дизайн скрывал в себе передовые разработки в области боевых экзоскелетов. Илана жила в глухой тайге, в племени охотников и собирателей, но не была дикаркой и была не понаслышке знакома со многими достижениями современной цивилизации.

Техносамураи рывком сократили дистанцию и вклинились в разворачивающиеся порядки врага, прорубая себе дорогу светящимися алыми клинками. Неполный десяток облаченных в сталь воинов разметал три десятка отлично экипированных стрелков, пустив их на

смазку для мечей – пылавшие пламенем лезвия без труда рассекали не менее современную броню противников, прерывая жизни тех, кто осмелился поднять руку на хозяев замка.

Оперение стрелы на плечах и груди самураев говорило само за себя – бывший вассал не покинул своего союзника в трудный момент. Растоптав одну группу нападавших, воины рода Хаттори разбились на тройки и устремились туда, где кипела самая отчаянная схватка.

Центральная башня замка горела неохотно. Камень сопротивлялся языкам пламени, не давая ему распространиться дальше, не пуская во внутренние помещения. Но два огненно-красных дракона продолжали заливать окна и бойницы испепеляющим дыханием, вновь и вновь поджигая то, что уже не могло гореть.

Остов гигантского боевого робота плавился, остывал, крошился и разрушался всё сильнее. Защитники замка использовали техника напавших как баррикаду, укрываясь за ней от губительной силы воплощённых стихий. Пламя, лёд, молнии, земная твердь... Илана с ужасом наблюдала за тем, как носители дара Титанов самозабвенно уничтожают друг друга.

Она чувствовала каждую смерть. Каждую прерванную жизнь. И больше всего на свете ей хотелось оказаться как можно дальше от этого когда-то чудесного и прекрасного места. Илана плакала. Слезы сочувствия, страха и бессилия текли по её щекам, сердце разрывалось от бушевавших в ней эмоций и желаний.

Она не могла вмешаться. Только смотреть и пытаться понять, зачем духи привели её в это место...

...Пепел был повсюду. Его хрупкие хлопья падали с небес, неторопливо и величественно погребая под собой разрушенные стены, тела погибших, остовы боевой техники, словно пытались спрятать от глаз эти яркие свидетельства войны.

Замок покосился, частично обрушился и, несмотря на все усилия, устоял. До пепла выгорел весь внутренний двор и все постройки, сады и рощи вишнёвых деревьев. Остался только каменный исполин, одинокий и по-прежнему величественный.

Шаманка боялась к нему подойти. Камни ещё дышали жаром, из нутра коридоров пахло кровью и смертью. А интуиция как никогда требовательно тянула её именно туда. Туда, где тела павших исчислялись десятками. Туда, где сражался погибающий род Маэда и его союзники.

– ...так оставить нельзя. Такэда должны ответить за своё вероломство.

Умиравший говорил тихо, едва слышно. От черного кимоно остались лишь обгорелые тряпки, неспособные прикрыть почти сплошной ожог, в который превратилось его тело.

– Я виноват перед тобой, сын. Прости, что возлагаю этот долг на тебя. Долг семьи, которой ты не имел все эти годы. Прости. Верю в тебя. Всегда верил...

Илана стояла в дверном проёме и не решалась приблизиться. И тем не менее она увидела одного из тех самураев, что бились у неё на глазах. Его доспех покрывали вмятины и трещины, в некоторых местах зияли рваные дыры, полированный металл закоптился и щеголял брызгами грязи и крови. Покореженный шлем валялся рядом, открывая юное лицо своего обладателя. Слишком юного для войны и всех её ужасов.

– Покойся с миром, отец, – прошептал он, закрывая ему глаза. – Я отомщу за вас. За всех, кого они убили сегодня. Они заплатят...

Илана отшатнулась – от парняшибануло ненавистью и лютой жадой крови, он взвыл, вымещая в крике боль своей души. Она уже слышала такое – там, в мире духов, обитали древние демоны, алчущие душ и чужих мучений. И этот голос был неотличим от боевого клича тех опаснейших тварей.

Отшатнулась и побежала прочь, узнав того, кто смог увидеть её. Видящая узнала достаточно. Пора было просыпаться...

Поэтому Видящая не увидела, может быть, самого важного. Пробудившийся хищник спугнул её.

Юноша в покалеченном экзоскелете неловко уложил тело отца рядом с остальной семьёй, сел рядом и зашептал:

– Пресветлая богиня Амэ, обращаюсь к вам. Не оставьте их в посмертии, примите своих детей в чертоги Света. И маму. Не разлучайте их. Молю вас об этом...

Ослепительная вспышка света заполнила собой всю комнату и рассыпалась десятком ширококрылых бабочек. Они настойчиво оттеснили юношу за пределы комнаты, прежде чем превратили её в погребальный костёр, усыпав тела погибших тысячами белых искр.

И только когда парень вышел под темное, затянутое дымными тучами небо и подставил лицо под падающие хлопья пепла, на самой грани его сознания прошелестел тихий, но вполне отчётливый голос:

– Что ты обещал брату?

– Я обещал ему прожить жизнь за нас двоих.

– Да будет так, – прошептала богиня Амэ. – И да свершится то, что должно!

Глава 1

Японская островная империя.

Остров Хонсю. Префектура Токио.

Поместье клана Такэда (родовые земли)

Безжалостный свет люминесцентных ламп отражался от стерильно, по-медицински чистых белых стен, окончательно выхолаживая небольшую подвальную камеру. Глава клана, Такэда Харуки, невольно поежился и вздрогнул, взглянув на прикованного к кушетке израненного человека в рваных лохмотьях. В воздухе ощутимо пахло лекарствами, болью и смертью.

– Что удалось узнать? – спросил он у суетящихся в комнате людей в белых халатах, усилием воли удерживая бесстрастное выражение лица.

– К сожалению, немного, Такэда-сама. Допросы, включая третью степень, не дали нужного результата. Мы были вынуждены воздействовать на... пациента медикаментозно. Психотроп сломил его сопротивление. Однако информацию стоило бы проверить. С его слов выходит так, что наследник Хаттори сейчас в Российской империи, где-то в Сибири. При попытке уточнить местонахождение Леона Хаттори произошло ЧП. Сработала необнаруженная закладка-блокада. Пациент мёртв. Все попытки реанимации были безуспешны. Это наша вина. Готовы понести наказание, – отrapортовал один из безликих палачей, поправляя медицинскую маску и украдкой смахивая капли пота со лба. Он сильно нервничал, – предугадывая недовольство начальства, и уже готовился к неизбежной каре.

Но гром не грянул. Глава клана размышлял. И мысли его были далеки от роковой оплошности подчинённых, упустивших важного пленника за грань. Необходимая информация была получена, и он мог действовать. Он наконец-то получил шанс закончить войну, начало которой положил три месяца назад.

– Все данные мне на стол в оригиналах. Копий не делать. Всех, кто занимался этим делом, я награжу лично, – распорядился Такэда и, чуть помедлив, добавил: – Останки кремировать. Урну анонимно доставить родственникам. И намекните, что он до конца исполнил свой долг. Пусть похоронят как героя.

– Будет исполнено, мой господин, – склонился в согласии подчинённый, восхищаясь проявленным благородством по отношению к врагу.

«Белые халаты» тем временем уже приступили к делу – зашелестел черный мешок, взвизгнула молния, открывая его нутро, готовое поглотить ставший никому не нужным труп. Харуки невольно задержался возле него, рассматривая столь упорного и несговорчивого пленника.

Ручейки засохшей крови оставили длинные, извилистые полосы на теле мужчины, схваченного его агентами после долгих и почти бесплодных поисков. Глубокие порезы несли в себе оттенок изошренной жестокости – рваные края ран, нанесенных тупыми и зазубренными клинками, служили этому самым верным доказательством. Пленника пытали. Долго, целенаправленно, беспощадно и со вкусом, выдавливая из него нужную информацию по капле и совершенно не заботясь о том, что будет с ним дальше. Но он выдержал. И это было странно. А что

до проявивших садистские наклонности подчинённых... Потом. У главы клана есть над чем размышлять.

– А ведь он долго держался. Как воин. Обычный бухгалтер, офисная немочь. Все допросы вытерпел, не сломался. Только химия смогла его разговорить, – услышал Харуки слова одного из палачей и задумался было вновь, но мысли о том, что предстоит сделать, вновь вышли на первый план, заглушая недоверчивый и невнятный шёпот интуиции. И он ускорил шаг. Нужно было напомнить наёмникам о не до конца исполненном договоре.

– И что странно, – тем временем продолжал говорить «белый халат», – тебя как раз ото-слали доложить, когда этот тип словно переборол действие препарата и посмотрел на нас. Я такого никогда не видел, а ты ведь знаешь, сколько у меня практики!

– Переборол «Психо»? Быть не может! – изумился его безликий собеседник и, оглянувшись на всякий случай, нетерпеливо дёрнул коллегу за рукав, требуя продолжения: – Уверен, что не показалось?

– Я тоже думал, что не может. А взгляд у него был змеиный, стылый, как удав на кроликов смотрел. Пара секунд, и сердце остановилось. Словно он сам себе это приказал. Я о таком только слышал...

Рассказчик увлекся. Замахал руками, в глазах появился подозрительный огонёк, и поэтому второй «белый халат» только скептически хмыкнул. Он тоже слышал о подобном. Вот только последних таких умельцев извели под корень сразу после Реставрации Мэйдзи. Прямым указом императора.

– Хватит рассказней. Мертвое уже мертво. А призраков не существует. Работать надо. И помалкивай об этом, а то, не дай боги, дойдёт до ушей господина, – обрубил он коллегу на полуслове и нахмурил брови. – И остальным скажи. Не хочу из-за вас работы лишиться...

Российская империя. Сибирь.

Княжество Морозовых, город Сибирск

Мой мир рухнул и сторел дотла в пламени войны. Один день изменил всё. Лишил семьи, ожидаемого будущего и желания жить дальше. Но я давно отвык делать то, что хочу. И привык делать то, что надо.

Привычка, как известно, формирует характер. Но после неожиданного божественного вмешательства всё стало гораздо сложнее и запутаннее. Именно поэтому, спустя три месяца после бойни, устроенной кланом Такэда, я осознал себя в новом удивительном качестве – другим человеком. Тенью того, кто на протяжении почти всей жизни в строжайшей тайне от всех воспитывался в отдаленной горной деревне, тенью выкованного оружия, что должно было верно служить роду Маэда. Бледным подобием самого себя как внешне, так и внутренне.

Близнецы похожи друг на друга не только внешностью, но и характерами, мимикой, жестикуляцией и прочим. В случае со мной и моим братом Леоном это не так. Нас разлучили ещё в детстве, чуть ли не сразу после рождения. У рода Хаттори был только один наследник. Мне предстояло стать чем-то иным. Отец назвал меня «Проект Возрождение».

Отец был одержим желанием верно служить. И возрождение древних традиций нашей семьи, имеющей историю более чем в тысячелетие, видел как один из способов этого служения.

В тот злосчастный для всех день он хотел триумфа – девять уникальных бойцов, готовое подразделение гвардии во главе с его сыном должны были влиться в гвардию рода Маэда, вернуть утраченное влияние. А семья обрела бы сына, утраченного семнадцать лет назад.

Судьба сложилась иначе. Брат умер на моих руках и стал частью меня. Наши души слились в одну – так решила Пресветлая Амэ, божественный предок рода Хаттори.

Мы были слишком разные. И при слиянии произошёл конфликт душ. Первый месяц запомнился лишь чередой сменяющихся образов-воспоминаний и кровавой пеленой перед глазами. Состояние, близкое к лихорадке, накрыло меня знатно и почти сразу – я потерял сознание, стоило только выйти из руин сгоревшего замка сюзерена. Месяц блужданий во внутреннем мире, месяц безуспешных поисков ответа на самый важный вопрос: кто я?

А когда более-менее пришёл в себя, то понял, что очутился за тысячи километров от дома. В чужой и непонятной мне стране. В окружении тех, кого я-прежний и знать не знал. А вот я-нынешний был им хорошо знаком. Потому что они считали, что я – Леон.

* * *

Ночь пахнула в лицо морозной свежестью и одуряющим ароматом хвои. Выбравшись из-под разлапистых ветвей исполинских елей, я бодро захрустел по покрытому тонким слоем снега газону, окружающему только покинутый мною дом по кругу.

Сбежать от взявших меня под опеку людей я не собирался. Но урвать глоток свободы, дать себе проветриться и собраться с мыслями было необходимо. При царящем в моей голове хаосе это было и вовсе обязательно.

Город встретил меня неприветливо, укрывшись в темноте и тенях, словно не желая показывать своё лицо. Ночь поглотила его краски, лишь фонари создавали островки света, выхватывая из темных каменных и кирпичных стен отдельные куски и возвращая им цвета.

Город спал. Во всяком случае, эта его часть. Пустынные улицы почти без прохожих и без проезжающих машин; завывание холодного ветра; редкие звуки из числа тех, что сопровождают бытие человека – хлопок дверью, сработавшая сигнализация и обрывок чьей-то речи. Меня это не расстраивало. С энтузиазмом деревенского жителя, впервые очутившегося в цивилизации, я шёл от одного фонаря к другому и с любопытством смотрел по сторонам.

И так продолжалось до тех пор, пока я не заблудился...

Слияние душ не могло пройти без некоторых сюрпризов. Самым важным и полезным, наверное, стали память и умения моего брата. Русским языком он владел отлично, мама постаралась. До замужества Хаттори Хикари была Ольгой Солнцевой, поэтому сказки ему рассказывали на двух языках. Зависть ворохнулась и исчезла. Осталась лишь тихая печаль. И всё бы ничего, вот только Леон так и не научился читать.

Табличка с названием улицы, к которой я обратился за помощью в обретении точки отсчёта, бесстрастно порадовала меня рядом незнакомых символов и двузначным номером. Легче от этого не стало ни капли. Захотелось выматериться, да так смачно и заковыристо, что даже стыдно стало.

В такой ситуации ни в коем случае нельзя впадать в отчаяние и уж тем более нельзя начинать философствовать. Оба этих действия никак не влияют на окружающий мир. Решение пришло довольно неожиданно.

– Нужен Пятница! – пробурчал я себе под нос и благодарно улыбнулся короткому воспоминанию об одном из любимых литературных персонажей детства. – Только с туземцами беда. Придется поискать...

* * *

Кто ищет – тот всегда найдёт.

Я нашёл. Приключения. И кто бы сомневался?

Понадобилось всего полчаса неторопливого променада по мощенным каменной брусчаткой улицам, чтобы тихий и уютный район из преимущественно двухэтажных зданий сменился другим, на вид более деловым, респектабельным и шумным. Показались яркие витрины доро-

гих магазинов, с фырчанием и ревом пронеслись автомобили, послышался гомон прохожих, а прямо по курсу замаячило здание, не понять назначение которого я не смог бы при всём желании – это был ночной клуб.

Идеальной формы стеклянный куб с огромной автостоянкой возле одной из граней, с яркой неоновой вывеской на входе и парочкой колоритных секьюрити в шапках-ушанках с кокардами и долгополых шинелях. И что характерно, тоже довольно невысокое здание. Чувствуя, как любопытство во мне смешивается с пресыщенностью и безразличием многого видавшего брата, я остановился, закрыл глаза и ритмично задышал – эмоциональное несоответствие реакций могло принять и более резкую форму, а дыхательная гимнастика неплохо выручала в подобных ситуациях. Побочный эффект проявлялся всё реже, но доставлял значительные неудобства.

– Так и до таблеток можно докатиться... – укоризненно сказал я сам себе, собираясь идти дальше.

Но приключения уже успели меня отыскать.

– Помогите!!! Пожа... – разрезал воздух и захлебнулся звонкий девичий выкрик. Он вырвался из темного переулка между двумя домами перед клубом, и, судя по отсутствию реакции окружающих, никто, кроме меня, крика не услышал.

Времени на раздумья не оставалось. Честь требовала защитить слабого.

И меня накрыло. Шквал ярости, негодования и жажды немедленных действий выбил из головы все мысли, и ноги сами понесли меня причинять добро и наносить справедливость. Побочный эффект преодолел все мои потуги самоконтроля, попросту наложившись на гормональный всплеск и...

– Вот же идиот, – обречённо простонал я сквозь зубы, в узком и темном переулке нос к носу столкнувшись с парочкой крепких, добротнo сложенных парней в кожаных куртках. Подвиги откладывались.

Они синхронно шагнули из тени и ловко, показывая неплохую сноровку в подобных делах, подхватили меня под руки и что есть сил зашвырнули в темную глубину переулка. Не упал я только чудом, хотя кроссовки предательски заскользили по тонкой наледи. А события тем временем приближались к логической развязке.

– Пошла вон, сучка. Считай, что отработала свой должок. Ну-ка, кто тут у нас такой пылкий и дерзкий? – басисто расхохотался третий участник представления, пинком ноги отшвыривая в сторону сидевшую в грязи у его ног заплаканную симпатичную девушку лет двадцати на вид, после чего развернулся ко мне.

Бита в его руке ловко крутанулась, сливаясь в серебристый круг, и мягко хлопнула о его бедро. Удобная, явно титановая, с головоломной вязью каких-то символов. Она мне понравилась с первого взгляда. Даже больше, чем девушка, которая, заливаясь слезами и громким плачем, уже бежала прочь что есть сил.

– Я задал вопрос. Ты кто такой? – обратился ко мне обладатель титановой биты, вразвалочку приближаясь. Я нарочито медленно отряхнул свою куртку от видимых только мне пылинок, расфокусировал взгляд, давая глазам привыкнуть к темноте – в общем, тянул время как только мог, явственно ощущая за спиной первых двух крепышей.

– Кто тебя не боится. Легче стало? Могу назвать себя твоим новым учителем по этикету.

– Дерзишь. Это хорошо. Повода искать не надо. Мы ж не нелюди какие и не беспредельщики. Нам повод нужен, – степенно отвечив главарь этой банды, перекладывая биту на плечо и демонстративно расправляя плечи. Я на габариты никогда не жаловался и пигмеем себя не почувствовал, но смотреть на него пришлось снизу вверх.

Ещё полгода назад такие отморозки вызвали бы разве что лёгкую улыбку. Но сейчас... В той бойне с наемниками клана Такэда я перегорел. Выжег почти все энергетические каналы, и в результате мой боевой потенциал снизился в несколько раз, ветеран стал подмастерьем. А

этот здоровяк явно был из одаренных. Вряд ли силён, но в моём состоянии да против троих... не вариант. Тем временем главарь продолжал:

– И за дерзость отвечать придётся. Силой померимся или деньгами отплатишь?

Город меня явно невзлюбил.

– Хорошо. Понял я, понял, – пробормотал я, плавно разворачиваясь спиной к стене и поднимая руки перед собой. – Только не бейте. Пожалуйста. Отдам всё что есть. Только не бейте.

– Умный парень! Вот и сговорились по-хорошему, вот и славно, – одобрительно качнул головой главарь стаи мелких городских хищников и расслабился. И его ребята тоже. Резкую смену поведения они ошибочно приняли за слабость. И потому среагировать не успели. Самурай никогда не пренебрегает возможностью нанести первый удар. И вообще, война – это путь обмана.

Тугой комок Силы сформировался между моих ладоней за доли секунды и взорвался яркой слепящей вспышкой белого света. Один из немногих приёмов, скорее даже просто фокус, на который я всё ещё способен.

«Несвятой Троице» хватило. Обожжённая сетчатка глаз – это вовсе не шутки. Синхронный вопль боли, перемежаемый трехэтажным матом, прозвучал самой приятной симфонией из всех возможных. А поскольку мой свет был безвреден для меня, то ничто не могло удержать меня от того, что мой опекун Гена называл «раздачей призовых слонов».

Короткая серия прямых и боковых ударов в лучших традициях муа-боран отправила главного из неудавшихся грабителей в бессознательное состояние. Приватизированная у него бита успокоила оставшихся за несколько добротных и мощных ударов, полностью оправдав возложенные на неё надежды. И тут грянул гром аплодисментов.

* * *

– Нет, серьёзно, я восхищен. Даже время засесть не успел, – сказал невидимый наблюдатель и вышел из тени, раскручивая в воздухе цепочку с часами-луковицей на конце. Эхо его аплодисментов только-только угмонилось, прекратив скакать в гулком коридоре стен, и умчалось в небо. – Ты опередил меня. А я даже часы не проверил.

Последняя фраза прозвучала несколько обвиняюще, как мягкий упрёк.

– Как умею. И вообще я просто...

– Мимо проходил. Абсолютно правильная позиция. Я бы на твоём месте городовому сказал всё именно так.

– То есть мы случайные прохожие? Шикарно, – обрадовался я, расстегивая куртку и с грехом пополам пытаюсь пристроить трофей в рукав. Куртка отчаянно сопротивлялась. – Я тогда пошёл. Некогда мне. Ты это, «скорую помощь» им вызови хотя бы.

– Борец с преступностью с такими идеалами в наши времена подобен вымирающему виду, – парень подбоченился, давая мне себя рассмотреть, и мягко улыбнулся. – Не помрут. Вон кони какие здоровые. Разве что простуду подхватят да голова поболит. Полагаю, тебе после праведных трудов не повредит чашка хорошего кофе?

Невысокий, рыжеволосый, худой как вешалка, на которой болтается явно широковатое и длинноватое ему пальто, с подвижным пластичным лицом и яркими зелёными глазами. Ровесник или даже чуть младше меня. Манера говорить и плавная жестикуляция выдавали в нём как минимум хорошее воспитание. Которое он не преминул немедленно подтвердить.

– Честь имею представиться – Алексей Соколов. Коренной житель этого славного во всех отношениях города.

– Хаттори. Леон Хаттори, – после недолгой паузы я представился и по привычке слегка поклонился.

– Надо же! Японец! Мне никто не поверит, если вдруг кому расскажу, – Алексей всплеснул руками и, приблизившись, ловко выдернул у меня из-за пазухи битую, тут же исчезнувшую под полами его пальто. – Это я тебе потом отдам, нечего шататься в непотребном виде по улицам. Полицмейстера ещё не хватало на наши головы. Мячика-то у тебя наверняка нет и в помине. Пойдём, пойдём, я знаю тут шикарное место неподалёку, с крепчайшим кофе и нежнейшими круассанами. Ты оценишь, гарантирую...

И я пошёл, доверившись абсолютно незнакомому человеку. Потому что моя интуиция безошибочно распознала в нём того, кого я искал. Но мой Пятница нашёл меня сам.

* * *

Судьба эмигранта довольно часто зависит от случайности. И мне, откровенно говоря, повезло. Госпожа Удача расщедрилась на полноценную, во все тридцать два зуба, улыбку.

Пятница из Алексея получился отличный. Он уверенно пёр меня на буксире, тактично соблюдал приличия и безостановочно говорил. Говорил обо всём на свете, знакомил с городом и его достопримечательностями, интересовался моим мнением и, как и обещал, доставил меня в шикарное заведение – кофейню под названием «UnderGround».

Полуподвал, в котором оно располагалось, ошеломил меня голыми кирпичными стенами с выступающими из них гипсовыми масками, пустым залом с кучей свободных столиков, лакированной барной стойкой из черного дерева, уютной атмосферой и ненавязчивой музыкой, в которой я с удивлением распознал джаз. Исполняемый вживую. Музыканты играли даже без посетителей, и было видно, что занимаются любимым делом. И этим фактом действительность добила меня окончательно. Разоблачившись и устроившись на удобном и мягком диванчике возле низкого столика, я обеими руками вцепился в объёмный, клубящийся паром бокал и, втянув шлейф из запахов кофе, шоколада и сливок, поплыл. Адреналиновая встряска сошла на нет. Наступила расплата – меня можно было брать голыми руками.

– Круассаны здесь бесподобные. Я взял на себя смелость заказать уже начиненные вишневым и апельсиновым джемом. Налетай! – Алексей приглашающе махнул рукой, указывая на только что принесенное с кухни блюдо с горкой выпечки. – Как давно ты в Сибирске?

– Три месяца. Плюс-минус неделя.

– О! Неожиданно. Отправиться одному в ночное путешествие, не имея представления о нашем городе...

– Аааауумммф, – промычал я с набитым ртом, чувствуя, как краснею. – Я в первый раз за всё время вышел на улицу. Рекогносцировка местности, так сказать. Но получилась разведка боем.

Соколов безмятежно улыбнулся и тряхнул рыжими кудрями, словно прогоняя непрошенные мысли. И огорошил вопросом в лоб:

– По-нашему ты болтаешь здорово. Акцента я, во всяком случае, так и не услышал. Ты шпион?!

Не поперхнулся я только чудом. Только сделал очень большие глаза. И очень удивлённые. А Пятница не успокоился и продолжал:

– А что ты так удивляешься? Я, может, всю жизнь мечтал, чтобы меня кто-нибудь попытался завербовать в иностранную разведку! Ты вон дерёшься как заправский суперагент. Пять секунд, и три бессознательных тушки. Я, например, так не умею. Только если Силой. То есть бахиром, по-вашему. Так ты шпион?

Мне тогда очень хотелось ответить согласием. Но обмануть его полные надежды и доверия глаза было бы свинством.

– Увы, Алексей. Я не шпион. Прости, если разочаровал.

Тут же последовал следующий вопрос, с оттенком надежды в нетерпеливом голосе этого странного парня:

– Аманат? Это было бы весьма и весьма интересно!

– Кто?! Я и слова-то такого не знаю, – с чистым сердцем сообщил я, делая ещё глоток моккачино и наслаждаясь теплом. Декабрь в Сибири оказался гораздо холоднее декабря в Японии. А моя тонкая куртка никак не тянула местный климат. – Я всего лишь эмигрант. Временно. По ряду обстоятельств.

– От твоих слов за версту несёт горечью и тайной. Так что... не буду настаивать, – с деликатничал Пятница, задумчиво покачав головой, и просветил меня неожиданно цепким, оценивающим взглядом. – Ты меня сегодня опередил. Я этих мерзавцев давно хотел проучить. Вышло бы не так быстро, тут тебе стоит отдать должное.

– А зачем это тебе? – без тени сомнений я перешёл в наступление, желая узнать о своём собеседнике хоть что-то. Ответить он не успел.

Колокольчик входной двери тихонько звякнул, мимолётный сквозняк промчался по залу, и в заведение вошёл невообразимый для меня персонаж. Сказочный.

В Японии национальная одежда неотделима от повседневной. В России же от неё, по факту, отказались ещё в девятнадцатом веке, даже аристократия предпочитала европейскую моду, хоть и основательно подогнанную под суровые реалии Гипербореи. То, что я увидел, опровергало все мои представления.

Он шёл, громыхая каблуками высоких сапог, позвякивая колёсиками шпор и десятком цепочек, обвивающих широкий кожаный пояс, из-за которого торчала рукоятка массивного револьвера. Небесного цвета кафтан до колен, расшитый серебристыми снежинками, отороченный серебристым мехом по воротнику, дополнялся этим поясом весьма и весьма гармонично. Светловолосый и бледнолицый, с двумя ярко-синими льдинками вместо глаз, этот человек из прошлого чинно прошествовал к нашему столику и, не говоря ни слова, в полном молчании вольготно расположился по соседству.

– Шериф пожаловал, – кисло отреагировал Алексей, всем своим видом выражая разочарование в жизни.

– Соколов, Опричный приказ в моём лице предупреждает тебя в последний раз. Привлеку ведь за неуважение к представителю власти, – укоризненно проговорил незнакомец, не спуская с меня холодного, изучающего взгляда. – Это ты мне подарок возле «Кубика» оставил?

Вопрос, как ни странно, предназначался именно мне. Я подобрался, прикинул ситуацию, начал просчитывать варианты и...

– Спокойно, юноша. Спокойно. Я тебя ни в чём не обвиняю. Ты ведь Леон? – спросил этот человек, доставая из кармана пачку сигарет. Мне оставалось только не дёргаться и коротко кивнуть. – Вот и славно. Гена мне чуть плешь не проел: «Наш мальчик потерялся!» Только вот скажи мне, как ты умудрился сразу нарваться на Сеньку Биту и его шакалов? Талант, иначе и не скажешь.

Вопрос повис в воздухе, и отвечать мне на него не хотелось. Поэтому я тоже достал из кармана сигареты, выщелкнул одну и, заметив удивлённо приподнятую бровь шерифа, из другого кармана штанов извлёк золотистую зажигалку знаменитого американского бренда с накладкой из драгоценных камней на боковинах. Крышка щёлкнула, колёсико вжикнуло, выбрасывая щепотку искр – по мановению пальцев, тонкий язык пламени заплясал между мной и этим странным человеком в одежде давно ушедшей эпохи.

– Прикуривать будете?

Шериф озадаченно хмыкнул и прикурил, выпуская в потолок густые клубы забористого, чуть шершавого на вид дыма. Спустя пару секунд я присоединился к нему, выпустив пару колечек.

– В нашей стране несовершеннолетним курение запрещено, – как бы между делом отметил представитель закона. Алексей тем временем сиял от восторга, молча наблюдая импровизированное представление.

– *Внашей* стране запрещена продажа табачных изделий несовершеннолетним. А курить или нет – это выбор каждого гражданина. Выбор, гарантированный Конституцией и императором. Или я неправильно трактую закон? – парировал я его выпад и максимально обезоруживающе улыбнулся. – У меня российское подданство с рождения, господин...

– Зубастый. Гена так и сказал. Ладно, оставим этот разговор, – покачал он головой. – Грешников. Аскольд Грешников, – шериф вернул мне улыбку и представился: – Старший опричник города Сибирск.

– Возвращаясь к вашему вопросу, господин старший опричник, могу лишь сказать, что мы встретились случайно. И вообще...

– Ты проходил мимо. А выброс силы с отчетливым привкусом света там был до тебя, – закончил мою реплику опричник, выбивая короткую дробь по столешнице. – В общем, так. За содействие в поимке правонарушителей полагается награда от мэрии, но, как я понимаю, она так и останется невостребованной или пойдет в пользу пострадавших от этих мерзавцев. Опекунам я твоим всё-таки позвоню. Не надо морщиться, тебя спалили, когда ты только в окно полез. Сам виноват. Но думаю, пока они приедут, вы как раз успеете допить кофе и доесть вкусняшки. В следующий раз не сочтите за труд сдать обезвреженных преступников в ближайший отдел. Это и тебя касается, Соколов! Эти трое чуть не сбежали, а я наткнулся на них только из-за того, что случайно встретил их жертву. На этом всё.

– Спасибо, господин старший опричник, – кивнул я с точно такой же кислой физиономией, как была у Алексея пару минут назад.

– Аскольд. Просто Аскольд. Нам, борцам с преступностью, в общении друг с другом пустые формальности ни к чему, – хохотнул опричник, подмигнул и плавно поднялся на ноги, встряхнув густой гривой своих светло-желтых волос. Его шаги вновь загрохотали по паркету, когда его догнал мой давно сдерживаемый вопрос:

– Аскольд, а где ты припарковал коня? К фонарю привязал?

Опричник и Алексей ржали, как тот предполагаемый конь – долго, громко и заливисто. Вот что я такого спросил? Ведь если нет коня, зачем ему шпоры?

* * *

– Значит, взрослый и самостоятельный, сам можешь решать, куда идти и что делать? – Гена подытожил мой короткий и эмоциональный спич, вырulingая с парковки у кафе на проезжую часть. – Я только «за». Но есть условие. Обязательное. Иначе никак. Готов выслушать?

Когда тебе выдвигает условия бывший морской пехотинец из специального дипломатического корпуса, весом далеко за центнер и с бицепсом, объем которого как раз совпадает с твоей головой, – это серьезно. Геннадий Лаптев был старым другом моей семьи и одним из тех, кто не раздумывая протянул руку помощи. Не раздумывая и невзирая ни на какие возможные последствия. Этого гориллоподобного дядьку я всерьез уважал. И с его мнением считался.

– Говори уже, не тяни мне жилы.

– Мало тебя в детстве пороли, Леон, – констатировал он очевидный факт и хищно оскалился: – Ты пойдёшь в школу.

– В какую ещё школу? Что за бред? Зачем мне это?!

Всё моё внутреннее естество билось в приступе протеста. Но я уже понимал – всё. Решение принято и обжалованию не подлежит.

– Школа хорошая. Военная. Одна из лучших в стране. Сразу говорю – придется учиться в полную силу. Но тебе будет полезно.

– Что полезного может быть в школе, пусть даже в военной?!

– Отставить истерику!

И снова результат слияния полез навверх, несмотря на самоконтроль:

– Гена, это *школа*!!! Мне она не нужна!!! Мне надо придумать, как вернуться домой и...

– И героически сдохнуть?! – поинтересовался Гена, не скрывая иронии.

Крыть было нечем. Мы вернулись туда же, откуда начали две недели назад, когда он за шкирку вытащил меня из полутрансового состояния и погнал на пробежку под дождём по полям со снегом. Тогда шоковая терапия сработала на «ура», и мы впервые за всё время смогли хотя бы поговорить. И он доходчиво объяснил все нюансы моего положения.

Спорить было глупо и неправильно. Я молча прилип к окну машины и задумался.

Род Маэда был уничтожен полностью. Род Хаттори был его единственным правопреемником, о чём гласил старый договор времён Реставрации Мэйдзи, когда великие дайме Маэда согласились принять вассальную присягу от тех, кого хотела стереть с лица земли половина Японии. Вот только был один важный нюанс.

Маэда – свободный род. А свободные роды не могут иметь вассалов. Был заключён союз. И сейчас, согласно этому договору, только я мог юридически распоряжаться активами обеих семей. Как союзник. Пусть и де-юре. А активы – это две крупных компании, основной деятельностью которых было выполнение государственных оборонительных заказов. Собственно, из-за них и началась война.

Ответственность за тысячи людей, так или иначе связанных клятвой служения, ответственность за исполнение множества обязательств, взятых не мною, но именем рода. И священный долг самурая. Точнее, уже не самурая.

– Как ты себе это представляешь? На меня там все пальцем показывать будут. Тем, кто не сдержал слово, нигде не рады, – спросил я, дыхнул на окно и несколькими движениями пальцев начертил два иероглифа на запотевшем участке стекла. – Помнишь, что это обозначает?

– Помню. Не драматизируй. Здесь к этому отнесутся не так остро, как у вас в империи. Если хочешь, можно устроить тебя в школу под другим именем.

– Никогда! – вскипел я и подпрыгнул на сиденье, чувствуя, как от стыда алеют уши и щеки. – Ты предлагаешь мне, потомку древнего рода, прятаться под чужим именем?!

– Спокойнее, Леон, спокойнее. Небеса не разверзлись, гром не грянул. Ничего я тебе кроме школы не предлагаю. Успокойся. Мы, кстати, почти подъехали. Аля, между прочим, очень за тебя беспокоилась.

Очередная вспышка эмоций меня доконала. Да и сказать уже было нечего.

– Хрен с тобой, зачисляй меня в школу. Посмотрим, какая она хорошая. Когда на занятия?

– А я не сказал? Завтра!

Глава 2

Дикий и опасный хищник притаился в углу комнаты, сжатый с трех сторон прочными кирпичными стенами – вольготно развалившись, он жадно, с треском пожирал свою добычу. Ещё несколько порций отборного корма для него ожидали своего часа, и поэтому он торопился, сгорая от жажды и алчности.

Сидевший за письменным столом мужчина лет тридцати на вид задумчиво любовался зверем. Сотканный из искр и языков огня, тот был великолепен. Дымные полосы гармонично сочетались с рыжим пламенем шерсти, в каждом движении хищника сквозили ничем не прикрытые мощь и Сила. Смертоносная и полуразумная «техника» ранга мастер. Его «техника», вместившая в себя всю ярость, весь гнев и всю ненависть к его врагам. Его визитная карточка, благодаря которой он получил своё прозвище – Уссурийский Тигр.

Хищник в камине забесновался, разбрасывая яркие жгучие искры, словно чувствуя, как в его хозяине вновь разгорается злость. На этот раз Андрей Бельский злился сам на себя. Он не мог простить себе той беспомощности, которую ощущал всё острее и острее с каждым днем.

– Всё как мне и говорили. Ты так посольство разнесешь по камешку, и что тогда? Скандал? Так хватит уже того, что ты устроил совсем недавно. Хватит?! – спросил Андрея его невидимый собеседник, устроившийся в тени возле входа в кабинет.

– Дядя, всё в порядке. Меня не надо контролировать...

Огненный зверь взревел и шарахнулся по стене, оставляя проплавленные в кирпиче следы от когтей.

– Я вижу, Андрюша, вижу. Папе так и передать? Или пусть сразу ремень готовит? Ты же знаешь, он у нас человек резкий и вспыльчивый, не чета мне.

Полномочный представитель Российской империи, исполняющий обязанности посла в Японии, опасливо поморщился и вспомнил, что у отца до сих пор тяжелая рука. Младшие регулярно плакались ему в жилетку, сетуя на судьбу, и просились на работу.

– Это несерьёзно. Оставь подобные аргументы другим.

– Ах, несерьёзно. Прости, племянник, запамятовал старый, что ты взрослым стал, – зашипел дядя, выходя из тени и, возвышаясь над родичем на голову, навис над ним, сложив руки на груди. От его мощной, словно вытесанной из камня фигуры исходила такая мощь, что мастер огня почему-то начал чувствовать себя нашкодившим ребенком. – Тогда какого х... ты творишь? Что за кровавые планы о мщении за чужую женщину?

Андрей вздрогнул как от удара, покраснел, побледнел, скрипнул зубами и что есть сил саданул кулаками по толстой дубовой столешнице.

– Она мне не чужая. Они были моими друзьями, дядя, я обещал им защиту! – заорал Андрей в порыве чувств, и ему вторил зверь, громогласным рыком заставляя дрожать стёкла в окнах и на полках книжного шкафа. Столешница треснула и немного просела, стол ощутимо закачался, устояв лишь каким-то чудом.

– Думать надо было раньше, когда обещал, – устало выдохнул его оппонент и ушел обратно в тень. – Твой отец... недоволен. Мягко говоря. Нам не нужна международная война кланов. Даже если она будет короткой. И победоносной. Угомонись! Это приказ главы клана!

Последние слова прозвучали безапелляционно, как приказ, и они были им. Глава клана властен над волей каждого, кто считает себя его частью.

– Дядя! Я должен... – вскинулся было Бельский-младший, но замер, остановленный жестом старшего родственника. Замер и, после недолгой паузы, бессильно опустил глаза.

– Помолчи немного. Я знаю твою ситуацию. Нелегко, согласен. Просто подожди. У тебя будет возможность обрушить на этих уродов огненный шторм и пройти по их землям очистительным пламенем. Но не под нашим знаменем. И не сейчас.

– Вот так просто? – возмутился Андрей. – Забыть обо всём и ждать?!

– Да, главное, чтобы результат был соответствующий, – коротко отрезал его дядя, давая понять: спор окончен.

Пламя в камине уже пожрало всю древесину и продолжало гореть – его питала мощь мастера, его желание убивать и мстить, и это пламя могло пожрать что угодно для утоления его мести. Русская аристократия не прощает потерь и нанесенных обид. Никогда. Андрей молча подошёл к зверю и, погрузив пальцы в искрящуюся шерсть хищника, почесал его за ухом. Оторванный от столешницы кусок дерева хищник взял с руки с покладистостью воспитанного домашнего зверя и смачно захрустел выдержанной столетней древесиной.

– Ты мне поможешь, когда придёт время? Нам понадобятся люди, техника. Я должен помочь ему отомстить, – спросил Андрей, глядя в переливающиеся ворохом оттенков языка пламени.

– Ты же знаешь, что помогу. Весь клан поможет. Просто подожди, – поспешно сказал его дядя и с досадой поморщился. Слово, данное племяннику, придется сдержать.

– Надеюсь, мы не опоздаем, как это уже случилось один раз...

Российская империя. Сибирь.

Княжество Морозовых, город Сибирск.

Высшая кадетская школа

Он напал из засады, как хищный и смертельно опасный зверь – парализовал мой разум за доли секунды и запустил ледяные когти мне в сердце, вынуждая его сбиться с ритма, а меня – ощутить необычайную слабость и дрожь во всём теле. Я ненавидел его и был благодарен ему. Не ждал его появления и желал его больше чем кого бы то ни было. Потому что был готов.

Страх.

Древнейший и коварнейший из врагов. Он взывал к моей слабости, шептал и уговаривал, угрожал и кричал, пытаясь добиться своей цели. В нём не было ничего от животного ужаса, только рационализм и холодная логика. Иначе у него не было ни малейшего шанса. Но и давать его ему я не собирался.

– Дальше как-нибудь сам, не провожайте. До вечера, – тихо сказал я опекунам и открыл автомобильную дверцу. Пахнуло морозной свежестью, под подошвой новехоньких ботинок захрустела тонкая наледь, налетевший ветер распахнул полы незастегнутой шинели. Дверца за спиной негромко хлопнула, и почти сразу взревел движок. А я остался стоять перед гостеприимно распахнутыми воротами в новую жизнь.

Всё верно. Мы не любим долгих прощаний и напутственных фраз. Всё важное уже сказано.

Мне было страшно. Я боялся ожидавшей меня неизвестности. Там, за стеной, ограждающей учебное заведение от окружающего мира, был иной мир, законы которого мне ещё только предстоит изучить. Лишь в одном я мог быть уверен на все сто процентов – таким, как я, там приходится очень и очень несладко. Страх не пускал меня в этот мир, взывая к благоразумию. Он становился препятствием.

Поправив фуражку, я глянул на часы и торопливо прошёл сквозь ворота, не забыв козырнуть выглянувшему из сторожевой будки бойцу. Тот расплылся в довольной улыбке и ответил на воинское приветствие, прежде чем нырнуть обратно в теплое нутро своего убежища. Фей-

сконтроль пройден. Впереди меня ждал кошмар почти любого подростка – школа. Я не ждал от неё ничего хорошего и поэтому даже предпринял кое-какие меры.

Ноутбук, пылившийся с моего приезда в Россию, был извлечён из-под кровати сразу после возвращения из ночной вылазки. Остаток ночи я посвятил сбору информации – фотографии местности, история учебного заведения, различные упоминания Высшей кадетской школы в сети. Картина вырисовывалась довольно интересная. Особенно для иностранца, решившего получить образование в одной из лучших военных школ Российской империи.

Главный учебный корпус ВКШ мог бы послужить отличным пособием для начинающих архитекторов, так как наглядно демонстрировал все отличительные признаки барокко. Монументальное и величественное здание привольно раскинулось на площади, равной двум футбольным полям, опираясь на десятки колонн и кариатид. Его формы накладывались друг на друга, усложняя объёмы и создавая причудливую игру светотени в лучах рассветного солнца. И от него отчётливо веяло стариной.

Высшая кадетская школа была кузницей будущих кадров для войск Российской империи. Высокий конкурс, необычная система обучения и отличные преподаватели занимались подготовкой тех, кто заранее решил связать свою дальнейшую жизнь с военной службой. Причём не было сделано акцента на обязательную службу именно государству, многие из выпускников школы, получив направления в офицерские училища и закончив их, возвращались обратно в кланы аристократов, а то и попросту становились наёмниками.

Разделение на сословия по правилам школы отсутствовало – присутствовала атмосфера боевого братства, и это помогало сформировать правильный взгляд на жизнь в дальнейшем, то есть не мерить людей исключительно по происхождению и положению в обществе. Можно даже сказать, что основатели Кадетки замахнулись на высокую цель воспитания будущих патриотов, готовых служить Родине и защищать её, при этом особое внимание уделялось нравственному воспитанию подрастающего поколения. Честь, достоинство и верность или становились атрибутами учащегося, или школа лишалась своего ученика.

Поместить учебное заведение решили не абы где, а в Сибирске, вотчине сибирских князей Морозовых. Император Константин Справедливый в 1878 году высочайшим указом дал позволение на основание Высшей кадетской школы, выписал итальянских архитекторов и даже одарил клан Морозовых каменоломней. Спустя всего десять лет, на огромной территории в тридцать гектаров вырос величественный комплекс зданий, с тех пор лишь прираставший новыми объектами.

Про качество обучения и говорить было нечего. Но важнее всего было то, что под патронажем клана Морозовых и самого императора дети могли обучаться совершенно безбоязненно. На территории Высшей кадетской школы образовалась некая нейтральная территория, «место мира», в границах которого на задний план отходили разногласия аристократов и любая, даже самая ожесточенная кровная вражда. Со временем даже появилась негласная традиция среди выпускников – проведенные вместе годы под одной крышей в некоторых случаях настолько сближали потомков враждующих родов и кланов, что конфликты разрешались именно их усилиями.

В Японии подобные школы – редкость. В первую очередь из-за сугубо военного профиля. Я о них разве что слышал, но понимал, что разница будет если не колоссальной, то ощутимой. А благодаря брату у меня был годичный опыт обучения в токийской старшей школе – Данашафу. Среднюю и младшую я даже не рассматривал.

– Всё познается в сравнении, – пробурчал я себе под нос, прыжками преодолевая ступеньки у входа и открывая массивную двойную дверь. И застыл зачарованным сусликом, увидев перед собой разветвляющиеся коридоры. Слишком много коридоров. – Лабиринт. Пятница у меня уже есть, теперь мне нужна Ариадна? Или GPS-навигатор?

* * *

В ректорате меня уже ожидал секретарь. По-военному подтянутый и на зависть бодрый сухощавый мужчина в скромном синем мундире призывно поприветствовал меня взмахом руки с зажатым в ней пухлым томиком и, подробно поясняя, нагрузил ворохом распечаток:

– На первое время я выдам вам подробную карту корпусов. В офицерском планшете есть специальное отделение под неё. Свод правил учреждения обязательно изучите и сделайте это максимально внимательно. Незнание закона не освобождает от ответственности. Расписанием советую заняться отдельно, на обратной стороне распечатки все пояснения по цветовой гамме отметок и цифро-буквенным обозначениям. Анкету кадета я жду заполненной у себя на столе после окончания занятий.

– Благодарю вас, – пробормотал я, растерянно переводя взгляд с бумаг в руках на секретаря. – А вы не подскажете...

– Гражданский? – секретарь встрепенулся, заинтересованно выгнул бровь и добавил уже себе под нос: – Это будет интересно.

– ...в каком часу появится ректор?

– Господин Таранов сам назначит вам встречу, молодой человек! – он немедленно ответил и посоветовал с участием в голосе: – А вам я пока рекомендую проследовать в тридцать вторую аудиторию. До начала занятий ещё час, вы вполне успеете ознакомиться с необходимым минимумом бумаг.

Признаваться в собственной неграмотности было стыдно. Такой «потери лица» мне здесь не простят. С каждой минутой вся эта затея со школой казалась мне всё более безнадежной. Но виду я не подал и, максимально вежливо распрощавшись, отправился на поиски своей аудитории.

Коридоры в учебном корпусе достойны отдельной песни. Высокие, метров семь, потолки, колонны, барельефы и картины на стенах. Очутившись в таком, поневоле чувствуешь себя несколько некомфортно, этаким пигмеем, что забрел в вотчину великанов.

К счастью, нумерация помещений сюрпризов не создала, и спустя четверть часа поисков я уже обосновался в пока ещё пустующей аудитории, выбрав самую дальнюю парту из всех возможных.

* * *

Вся информация из ректората была во временно недоступном мне формате, и все бумаги были отложены в сторону до востребования. Не желая напрасно терять время, я раскрыл ноутбук – ещё ночью я отметил огромное количество писем в электронной почте. Пора было возвращаться к жизни. И первые же сообщения заставили меня занервничать.

Род Хаттори продолжал войну. И в то же время получил передышку: в разборки аристократов вмешался император.

Причиной послужил последний контракт «Хаттори-Групп» и «Маэда-Индастриз» с министерством обороны Японской империи. Расчёт Такэда строился на одном точном, выверенном ударе, после которого обезглавленные компании попросту перешли бы в собственность победителя. Чудесное спасение наследника Хаттори смешало нашим врагам все карты. Особенно, если учесть, что в этом спасении прямое участие принял не кто иной, как официальный посол Российской империи – Андрей Бельский. Старый друг семьи Хаттори и весьма влиятельный, опытный политический деятель.

В итоге разразился скандал. Клан Такэда отмёл обвинения в беспочвенной агрессии, предоставил доказательства якобы произошедшего конфликта между свободным родом Маэда

и кланом Такэда, но в уже сложившейся и очень некрасивой ситуации это не принесло необходимых им плодов. Рейдерские группы клана Такэда наткнулись на предельно вежливых чиновников Имперской канцелярии и, обменявшись любезностями, откланялись. До окончания контракта с министерством или моей преждевременной кончины обе компании находились под прямым протекторатом императора. Но палка, как известно, имеет два конца.

Протекторат не распространялся на слуг обоих родов, не распространялся на прочее имущество и уж тем более не давал никаких гарантий лично мне. Война продолжалась. После ожесточенного штурма захвачен замок Канадзава, защищавшая его родовая гвардия Маэда полностью уничтожена. Поместье моей семьи предано огню, а от военных сил осталась горстка людей. Сухая статистика последнего отчёта тяжким грузом легла на мои плечи. Разгром. Сотни погибших воинов и гражданских.

Ярость. Всепоглощающая, безумная, опаляющая душу. Лишь усилием воли я смог сдержаться – аудитория начала заполняться кадетами, и воспитание всё же взяло верх, только заскрипели стиснутые зубы и побелели костяшки сжатых в испуг кулаков. И больше ничего. Самурай не должен показывать своих эмоций. Следовало помнить об этом. Все решения я отложил на вечер.

Кадетов становилось всё больше. Они вваливались шумными компаниями и поодиночке, весело гомоня или заспанно хмурясь. Неудивительно, что меня заметили почти сразу же. И очень быстро на мне сконцентрировалось основное внимание.

Мои новые одноклассники... Аккуратные, похожие друг на друга характерной выправкой и манерой движений, безликие в одинаковых комплектах военной формы – в Высшей кадетской школе, куда меня занесла нелегкая, иной одежды для учащихся попросту не предусмотрено. Пятьдесят парней шестнадцати-семнадцати лет, в черных мундирах старшей группы оккупировали устроенную амфитеатром учебную аудиторию и... Почти все они смотрели на меня, так или иначе. Кто-то в открытую, нагло и с вызовом, кто-то лишь краем глаза, исподтишка. В принципе, понять их реакцию было нетрудно. Появившийся в середине учебного года новичок не вписывался в привычную картину мира, а всё новое поневоле вызывает интерес.

Лица ребят выражали настолько широкую палитру различных эмоций, что поначалу я даже немного опешил. Неприязнь, возмущение, любопытство, презрение и даже насмешка. Чувствовать себя в центре внимания пятидесяти подростков оказалось сомнительным удовольствием. Образно говоря – тучи сгустились. И тогда пришёл спаситель.

– Леон! Глазам своим не верю! И ты молчал?! – завопил он с порога аудитории и вихрем промчался вверх по ступеням. – Как же я рад тебя видеть!

Алексей подмигнул и решительно бухнулся рядом, вынуждая меня подвинуться и дать ему место. Атмосфера резко изменилась. Взгляды одноклассников стали выражать скорее недоумение и жгучий интерес. Всё большее их количество побросало свои дела и в открытую развернулось к нам лицом, ожидая продолжения.

– Так, парни, знакомьтесь: Леон Хаттори. Как я понимаю, прибыл к нам из Японии, по обмену. Всё остальное потом! Занятие вот-вот начнётся, а мне ещё новенькому кое-что объяснить надо! – громко и отчётливо объявил мой спаситель и, больше не отвлекаясь на них, повернулся ко мне. – Вот так встреча. Отчётливо вижу, что к ней приложил руку Фатум, не иначе. Я угадал насчёт обмена?

– Не угадал. Я насовсем. Полтора года у вас доучиваться, – обрадованно выдохнул я, чуточку расслабившись, и улыбнулся: – Ты не представляешь, насколько ты вовремя.

– А ты не представляешь, насколько тебе повезло. В этой учебной группе оказаться не так-то просто. Перед тобой, можно сказать, элита нашей школы.

– Боюсь, это будет скорее проблемой. Тем более что есть один очень немаловажный нюанс.

Я не стал тянуть кота за хвост и вкратце обрисовал Алексею свою самую главную проблему. От которой он, мягко говоря, пришёл в ужас.

– Это pizdets, Леон. Полный. Для меня, как для старосты этого бедлама, так вообще. Когда это вылезет наружу, а оно обязательно вылезет, разбираться с проблемой придётся именно мне.

– То есть меня не отчислят?

– И не надейся. Такого прецедента ещё не случалось. Да и чтобы сорвать с тебя вот эти вот погоны, – хохотнул он, указывая пальцем мне на плечо, – нужен весомый повод. Очень весомый. Фактически сейчас ты почти офицер нашей страны. Это накладывает как обязанности, так и определенные привилегии. Так что не парься.

Его слова подарили определенную надежду. Всё же не хотелось разочаровывать тех, кто поверил в меня. От разговора отвлек вошедший в аудиторию преподаватель, весьма импозантный мужчина средних лет в классическом костюме.

– Господа кадеты! Занимайте свои места, занятие начнётся через минуту.

* * *

– ...сложившаяся традиция наследования не земель, но права на их владение образовала современную модель государственного устройства. Ошибочно будет считать её конфедеративной, так как княжества целиком и полностью находятся во власти императора, при этом располагая своим, зачастую кардинально отличающимся от общеимперского, законодательством. При этом следует помнить Особое Уложение, принятое Сенатом в 1901 году. Кто из вас, господа, способен изложить его суть прямо сейчас?

Лектор внимательно обзрел аудиторию сверху донизу и, хитро прищурившись, отыскал наиболее подходящую жертву для неожиданного и сложного вопроса. Других у преподавателя социологии и права Российской империи попросту не водилось.

– Кадет Нежданов! Что вы можете сказать об Особом Уложении?

– Особое Уложение законодательно закрепило существование и деятельность Опричного приказа вне имперских земель. Проще говоря, император спустил своих цепных псов с поводка и развязал им руки, – неожиданно глухо и зло прозвучал ответ от попавшего под раздачу кадета.

– Эмоционально, но суть отражает. В дальнейшем рекомендую воздерживаться от подобных характеристик представителей судебной и исполнительной власти в одном лице. Вам ясно, кадет Нежданов? – строго отреагировал лектор и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил: – Опричники действуют в соответствии с законодательством княжества. И соблюдают интересы империи. Не императора. Всего государства. Это следует помнить. Занятие окончено. Все свободны.

Опытный преподаватель рассчитал время лекции так, что одновременно с его последним словом прозвучал звонок. Аудиторию заполнил шум поднимающихся со своих мест кадетов, гомон и топот множества шагов – все торопились на следующее занятие. Все, кроме меня и Алексея.

– Алексей, мы чего-то ждём? – спросил я у старосты, задумчиво и беззвучно шевелящего губами. Его застывший взгляд бесцельно буравил пространство перед ним – так, словно он внезапно стал незрячим. На вопрос не последовало никакой реакции, и я решил встряхнуть его за плечо.

– О! Прости, Леон, я задумался. Пытался сообразить, как можно максимально быстро решить нашу общую проблему. Тоже мне, дитя улиц! Есть один вариант, надо его как следует обмозговать. А пока предлагаю проветриться. Заодно покурим, не я один теперь буду кровь воспитателям портить!

Его бодрый и уверенный тон внушал оптимизм. Собрав вещи, мы переместились в другую аудиторию, где после перерыва должно было состояться следующее занятие, и уже оттуда отправились на свежий воздух. Но по пути старосту перехватил один из преподавателей, и я был вынужден идти в одиночестве, хоть Алексей и заверял меня клятвенно, что обязательно догонит.

Снаружи учебного корпуса властвовала зима. Холодный свежий воздух, тонкий слой снега на газонах, ажурные узоры изморози на металлических элементах дверей. Глубокий вдох обжёг мои лёгкие, мороз запустил свои пальцы под мундир, табуном прогоняя мурашки по телу. В деревне, ставшей моим домом, подобная погода не была в новинку. Горы закаляют тело, воспитывают дух, испытывают разум. Но этот холод был другим. В нём чувствовалась чья-то воля... Пришлось даже одёрнуть себя. Нельзя плодить сущности.

Искомое место находилось неподалёку от парадного входа, справа, там, где здание корпуса имело небольшую выемку, в которой весьма удобно было укрыться от чьих-либо взглядов, чему способствовали густые заросли кустарника, увенчанные тяжёлыми шапками снега. Ежась от порывов холодного ветра, я заскочил в этот закуток и с наслаждением прикурил первую за день сигарету. Глубокая затяжка разом очистила голову от посторонних мыслей, вторая избавила от скопившегося нервного напряжения, а третья отворила мне врата в чертоги релакса. Произошедшее же следом событие можно было расценить как попытку осквернения и срыва сакрального ритуала.

– Молодой человек! Какая наглость! Вы курите?! – прогремел за моей спиной чей-то сочный и раскатистый баритон с характерным акцентом уроженца Германии.

По-военному четкий разворот «кругом» с последующим щелчком каблуками и клубами дыма, выдохнутыми прямо в лицо сидящего мужчины произвели на того неизгладимое впечатление – он буквально задохнулся от возмущения и только беззвучно разевал рот в попытках обрушить на меня следующее воззвание.

– Так точно! Разрешите угостить вас сигаретой? – мой чеканный ответ окончательно перегрузил ему процессор – мужчина ошалело кивнул, принимая уже извлеченную из портсигара сигарету. Быстрота, наглость и натиск принесли первый успех, и его следовало развить.

Повисла пауза, во время которой я внимательно осмотрел этого человека с головы до ног и пришел к выводу – гражданский специалист, не военная косточка, и это меня радовало. Изящный, даже на вид дорогой костюм, длинный галстук со сложным узором, запонки на манжетах рубашки и лакированные туфли с острым носком. Уже в тот момент я был готов поспорить, что это один из наемных учителей, и если вспомнить акцент, то скорее всего – преподаватель немецкого языка.

В свою очередь он тоже подверг меня осмотру, после чего переключил внимание на сигарету в своей руке, немного помялся (на благообразном лице были видны следы нешуточной внутренней борьбы) и сделал неопределенное движение этой же рукой, словно намекая мне на что-то. Намек был пойман на лету, и спустя несколько секунд на одного курильщика в этом закутке стало больше.

– Вы явно новенький в этом рассаднике милитаризма, юноша, иначе не стали бы столь вольно пренебрегать правилами школы, – заметил он после второй затяжки. – Герр Клаус. Клаус Ламарк. Преподаватель романо-германских языков. А вы...

– Курсант Леон Хаттори. Первый день обучения, – ответил я, шутливо отдавая честь двумя пальцами. – Боюсь, что в этом, как вы выразились, рассаднике милитаризма мне придется задержаться надолго. Говорите, строгие правила?

– Да, юноша, более чем. Курение точно наказуемо, так что на вашем месте я бы задумался над тем, чтобы бросить эту пагубную привычку. Судя по фамилии и акценту, вы не местный уроженец?

Преподаватель разговорился, да и в целом его вид больше не предвещал для меня никакой угрозы – в глазах у него мелькали веселые искорки.

– Три месяца как в России. Останусь здесь на ближайшую пару лет, а там видно будет, – ответил я, мысленно усмехаясь. Смешок получился откровенно нервным, что не могло радовать. – Надеюсь получить достойное образование, поэтому и выбрал именно эту школу.

– Ох-ох-ох, вот тут вы не прогадали, курсант. Выбор правильный, хоть и специфический. Собираетесь начать военную карьеру? – словоохотливый дядька вцепился в меня как клещ, словно соскучился по общению. Или это черта характера у него такая?

Ответить мне не дал прозвучавший звонок, призывающий на занятия. На нас он подействовал примерно одинаково – как лесные обитатели, испуганные звуком охотничьего рога, мы, переглянувшись, избавились от окурков и скорым шагом поспешили в учебный корпус. Пути разошлись почти сразу, за порогом, и на прощание немец учтиво поклонился – неглубоко, как и следовало в подобной ситуации старшему.

Ответный поклон был автоматическим, неосознанным, хотя казалось, за последние месяцы я уже успел отвыкнуть от этого жеста вежливости, распространенного на исторической родине. Но привычка оказалась сильнее. Ламарк только вновь улыбнулся и одобрительно кивнул.

Разговор с Ламарком оставил двойственное впечатление, став генеральной репетицией всех будущих новых знакомств. Мне необходимо было создать о себе хорошее впечатление. От него зависело многое, в том числе и положение в обществе. Незнакомом, со своими законами и традициями, иерархичностью, как и на родине, но другом, непривычным и менее закостенелом. И того, как на самом деле в этом обществе отнесутся к ронину, я ещё не знал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.